

Писать о Доме занимательной науки, который был создан и работал в Ленинграде в 30-х годах и был уничтожен войной и блокадой, для меня значит писать о людях, благодаря которым он появился на свет и стал тем, чем он был, — железием, не имевшим, да и сейчас не имеющим никаких аналогов. Писать о нем — это значит для меня вспомнить о замечательном популяризаторе Якове Исидоровиче Перельмане. Тихий и мягкий человек, он не самым делом был непрестанно пульсировавшим мозгом ДЗН. А вот роль Виктора Александровича Камского в создании Дома я, пожалуй, даже не сумею выразить какой-либо метафорой.

Помимо энциклопедических знаний, Камский обладал склонностями и способностями, которым настоящее приложение он смог бы найти, вероятно, только в наши, 60-е и 70-е, годы. Какой яркой талант, умный, находчивый и любящий свое дело организатор и администратор!

Для меня нет никаких сомнений: все мы, оказавшиеся в середине 30-х годов создателями ДЗН, — ученые, литераторы, художники, специалисты самых различных областей — все мы могли бы прожить всю жизнь рядом друг с другом, великолепно понимая, как было бы хорошо, если бы... И в то же самое время никто из нас пальцем о палец не ударил бы, чтобы это «если бы» преворить в действительность. А Камский как раз это делать умел, и мысль о том, что такое сделать необходимо, пришла в голову ему. Мало кого из моих ушедших из мира друзей я оплакиваю с такой же скорбью, как Виктора Камского, политработника Красной Армии, без вести пропавшего где-то на Волховском фронте.

Я не буду детально описывать маленький павильончик в парке культуры и отдыха на Елагином острове, хотя будущий ДЗН зародился именно там. Расскажу лишь об одном экспонате, в котором, как мир в капле воды, уже воплотился принцип будущего Дома. На темном потолке зала посетители видели бесчисленное множество ярких звездных кружочков. Весь потолок был густо усыпан ими. А в самом центре часть крупных пятнышек была обведена окружностью, выделена из остального множества.

Россыпь на потолке представляла Один Миллион. Его высочество миллион в своем реальном воплощении. И притом состоящий из отдельных, поддающихся рассмотру и счету единиц. Любой километр — миллион миллиметров. Но поди отдели их один от другого!

Было замечено: большая часть посетителей, воспитанная на классических уподоблениях, сравнивала мно-

Лев УСПЕНСКИЙ

„Дэ-Зэ-ЭН“

«Дэ-Зэ-ЭН!» В 30-е годы любой из ленинградских мальчишек знал, что кроется за этими загадочными буквами. Для ребят он был подлинным «храмом очарований» — Дом занимательной науки. Кто знает, сколько нынешних инженеров и ученых сделали в его стенах первые шаги по бесконечной дороге познания мира? О ДЗН, об этом «чуде Ленинграда», рассказывает один из его создателей, писатель Лев Васильевич Успенский.

жество кружочков с «бесчисленным множеством» звезд на небе. И вот для того чтобы окончательно подвести слишком бойкое воображение, окружность-то и выделяла подлинное число видимых звезд. Надо было наблюдать недоумение, сомнение, а потом — радость точного узнавания на лицах посетителей. Число, величина абстрактная, начинало ощущаться физически. Находились и недоверчивые (недоверчивость этого сорта у нас поощрялась), они приступали к проверке путем прямого подсчета. И тогда им рассказывали, что не малыры закрашивали кружочки, а на фабрике желивали синие обсы в желтый горошек.

Позже, когда в Шереметьевском дворце на Фонтанке, 34 открылся Дом занимательной науки, миллион превратился в аппарат, ручку которого могли крутить все желающие. Прибор был сделан так, что до финиша удалось бы добраться лишь за 35 дней неустанной работы. А ведь многие с зигизмом брались за ручку, чтобы тут же доказать, будто не так уж страшен миллион, как его малютки.

В середине 30-х годов много писали и говорили по радио о том, что открыто Московском планетарии. Называли внушительные суммы, выделенные фирме Карла Цейса за мудрое оптическое оборудование. И вот у нас в ДЗН возникло дерзкое намерение: соорудить нечто вроде планетария. Соорудить при скромных затратах, но так, чтобы можно было рассказывать о небе и вселенной не менее интересно, чем с помощью заграничного чудо-аппарата. К этому делу Камский привлек зигизм-астронома Василия Исидоровича Прияжников и немедленно свел его с художником Малковым и стелларом Вельте.

И вот вместо московского оптического совершенного купола в круглом зале отдела астрономии под потолком появилось воистину цельноферное небо, усыпанное если не бесчисленными, то весьма многочисленными проколами. Свет скрытых за фанерой ламп закрывал наши звезды. Небосвод был укреплен на сольной оси и вращался мотором. Когда мотор пускали в ход, тотчас раздавался «тяжелый грохот». И хотя вдобавок свет проникал между потолком и бордюром, реакция ленинградцев была ничуть не слабее, чем реакция москвичей.

В этом-то и было доподлинное чудо ДЗН! И в отделе Прияжников, и во всех других люди работали с увлечением, постоянно шлифуя планы своих выступлений. Первое время экскурсии проводили сами авторы экспонатов. И лишь после того как форма рассказа оттаивалась окончательно, ее перенимали рядовые экскурсоводы.

Я представления не имею, на какие средства Камскому удалось создать ДЗН. Но, едва встал на ноги, Дом превратился в хозрасчетное учреждение, которое ни от кого не получало дотации, но росло, приносило доход, и немалый.

Помню, как-то совершенно незаметно, само собой при ДЗН родилось издательство. Мы выпускали юнчки-малютки, замечательные брошюры, листовки, сборники задач, загадок, забавных научных фокусов. Писали их Перельман, Пряишников, профессор математики Ячевский. Выходили и мои книжечки по занимательному языкознанию. Это из них родились уже в послевоенные годы «Слово о словах», «Ты и твои имя» и другие книги по топонимике.

Издательское дело наладил А. Барвиц, старый, опытный полиграфист. Занимательные книжечки-малютки

стоили гроши и расхлослись мгновенно.

ДЗН работал вовсе не с последними достижениями науки и техники. Он мог их использовать в своей аппаратуре, мог даже порой блеснуть, не вдаваясь в объяснения, какой-либо разительной новинкой. Так, книга отзывов и предложений сама с помощью фотозаписей открывалась, как только к ней приближался человек. ДЗН имел дело прежде всего с азами наук. Его руководство (возможной трест, как любили мы говорить) твердо придерживалось одного правила. То, что все мы усваивали (должны бы усваивать) в качестве «корня учения» в младших классах школ, мы иногда просто не усваиваем, а еще чаще — скоро забываем. И освежить это начальное знание в головах взрослых, закрепить его в памяти жадных до информации ребят — это-то нас и привлекало. Мы весьма быстро утверди-

лись в своем методе, «сажая в лужу» профессоров.

Обычный рабочий дззззззский день. Я веду экскурсию в своем отделе географии. Внезапно снизу, из канцелярии, ко мне поднимается с запиской от Камского сама «заведующая», Антонина Маркеловна Сагайденова. Раз сама — дело спешное, серьезное! Так и есть. Камский предупреждает меня: из кассы ему сообщили, что в Дом пришел профессор ЛГУ, известный физик. Точнее, его привел десятилетний внук, уже побывавший у нас со школьной экскурсией. Внук настроен восторженно, дедушка — скептически. И вот Камский просит опосаждать профессора несколько раз в лужу.

Такие случаи повторялись периодически, и Камский мгновенно оповещал все отделы о приходе ученых скептиков. И мы знали, что надо делать. Почтенный физик приходил в отдел астрономии и вступал в спор по поводу точки восхода и заката солнца. Светило наше садится точно на западе и восходит именно на востоке только в дни равноденствия, весеннего и осеннего. Внучу это уже известно, а дедушка о том, конечно, давно забыл. «Дедуня, ну что же ты!» — восклицает мальчик с глубоким изумлением.

Затем любознательная пара переходит в отдел географии, ко мне. И здесь обнаруживается, что дед совершенно запмятовал точные доказательства шаровидности Земли. Он приводит доводы в пользу того, что ее поверхность искривлена, что она — некое округленное тело, может быть, похожа на яйцо или бублик, а до шаровидности так и не добирается. Я, экскурсовод, опровергаю его построения, а затем приглашаю внука поправить деда, поскольку внук уже знает секрет истинного доказательства.

И профессор уже не обижается, когда даже в отделе физики выясняется, что, откинув зная квантовую механику, он как-то запомнил нечто из азов своей науки. И он уходит от нас уже не скептиком, а нашим сторонником.

Могу сказать точно: из ученых мужей на моем пути попался только один, оказавшийся бедствием, бичом для экскурсоводов, если бы я не узнал «птицу по полету» и не принял необходимых мер.

В тот раз просочился неопознанным и прикинул к одной из рядовых экскурсий среднего роста, старец, весьма темпераментный и бойкий. Он не скрывал, что все в Доме ему иривится. Но в его присутствии невозможно было вести экскурсию обычным путем, от загадки к загадке. Он их разгадывал еще до того, как они предлагались, по одному только виду экспоната.

Ему-то было очень интересно, а

Л. Успенский ведет экскурсию в отделе географии ДЗН;
В. Камский — политработник Красной Армии;
Я. Перельман в рабочем кабинете (справа).

экскурсантам и мне — чрезвычайно скудно. К тому же меня все время мучило сознание, что я знаю этого старинка, видел где-то его портреты... И вдруг меня осенило.

— Вот что, дорогие товарищи! — сказал я, обращаясь к моей публике, пестрой по составу и уже решившей, что экскурсовод явно уступает этому дедушке. — Вы видите, как один из вас обнаруживает блестящие познания, каким бы вопросом мы ни занялись. В том нет ничего удивительного: он такое будет блестящее и во всех остальных отделах Дома. Потому что вместе с вами совершает путешествие по ДЗН не кто иной, как революционер, бывший политаторганизатор, шиммельбургец, большой ученый Николай Александрович Морозов. Николай Александрович одновременно и астроном, и географ, и физик, и математик. Так попросим же его сказать нам честь и проведи нас по Дому занимательной науки. Это будет интересно и вам, и мне.

Надо отдать должное Морозову: он не стал жеманничать. Он сказал: «Ну что ж! Пожалуй, попробуем...» И, взяв в свои руки бразды правления, повел экскурсию с блеском и находчивостью чрезвычайными. Едва ли не единственный раз во всей практике ДЗН экскурсию по всем его залам вел — и вел под аглодизментами — один всесторонний экскурсовод. Это был настоящий ученый.

А вот ныне, едва лишь вступаешь в мир науки специалистом, видишь себя совсем иначе — высокомерно и пренебрежительно. Сейчас странно об этом вспоминать, но тогда, в 30-х годах, существовал довольно устойчивый климат академического высокомерия по отношению к любому человеку, взявшему на себя нелегкий труд посредничества между наукой и невежеством. Я помню, как один довольно средненький геолог выражал свое крайнее ифиз академиком А. Ферсману за то, что он проигрывает достоинство ученого, выпуская свои научно-популярные книги. Многие не понимали, какое нелегкое и важное дело делают добровольцы со стороны, из среды литераторов и журналистов (а некоторые уже тогда показывали высочайший класс мастерства).

Разумеется, подлинное Большое ученье, побывав в ДЗН, умело по достоинству оценить своеобразную, никогда и нигде не виданную работу по введению в самые различные области знания, по приятию перекрестных научных интересов. Нет смысла перечислять много имен. Достаточно упомянуть академика Сергея Ивановича Вавилова. Заглянув к нам однажды, он сразу же стал высшим покровителем и горячим энтузиастом ДЗН. Он мобилизовал нам на

помощь весь свой Оптический институт. В результате у нас появился отдел «Свет и цвет», поражающий не только непосвященных, но и специалистов других отраслей знания.

Одно время наибольший восторг вызывали небольшие диорамы, изображавшие, что происходит в момент ленинградского полдня на других меридианах Земли. Потом вниманием и любовью публики овладел тайно фосфоресцирующий белый экран, на котором удивленный посетитель мог оставить свою тень: он отходил, а его профиль или очертание руки оставалось... Потом слева перешла к большой, тоже написанной фосфоресцирующими красками картине. В зависимости от того, лучом какого цвета она освещалась, на ней выступали для совершенно непохожих изображений.

Надо сказать, славу экспонатам создавали прежде всего «постоянные мальчишки». Они приходили в Дом, плясали им, повторяли свой визит и, наконец, становились его завсегдаемыми. Хотя они и льстили нашему самолобию, но работе мешали, ибо скоро превращались в уменьшенные копии Н. А. Морозова. Они наперед знали, что в данный момент должен сказать или сделать экскурсовод, и разоблачали все его сюрпризы и загадки. Таким мальчишкам приходилось «вылезать» и лишать «права голоса».

Были разные посетители и разные отзывы в большой, автоматически раскрывавшейся книге пожеланий. Разными были реплики и у самих экспонатов. Помимо эпизод у доски, утыканной гвоздями, мимо которых в беспорядке сыпались дробинки — они выкладывались внизу строго по статистической кривой, всегда одинаковой. И вот один мальчик, пораженный увиденным, взял отца за локоть и, насупившись, сказал ему: «Пап Пап, ты только посмотри, па! Они сыплются в беспорядке, а вдруг оказываются в порядке!»

Как ребенок обрадовался Камский, подслушав возглас изумленного мальчишки. «Убейте меня, из него быстрый разумом Невтон выйдет!» — повторял потом директор Дома. Он рассказывал об этом всем нам, звал Перельмана и, конечно, даже премировал экскурсовода, натолкнувшего юного Невтона на такое умозаключение.

Хорошо было работать в ДЗН. Хорошо утром приходить еще до открытия, чтобы либо самому приготовиться к первой экскурсии, либо посмотреть, как к ней готовится экскурсовод. Хорошо было, заглянув в кабинет Камского, увидеть его уже там, бодрого и подтянутого, в его обычном полувойском костюме, и сразу же услышать: «Заходите, заходите, Лев Васильевич! Как раз вы-то и нужны!»